

($5\frac{1}{4} \times 5\frac{1}{4}$ верш. при толщинѣ въ 2 верш.). Изразцы оказались совершенно такими же, какъ и на Намазь-гохъ. Изогнутые изразцовые кирпичи, выпуклые съ стекловидной стороны, указываютъ на то, что зданіе имѣло изразцовый куполь. Кромѣ того, попадался и обыкновенный кирпичъ, обтесанный въ форму, при которой онъ употребляется для вывода сводовъ. Въ разныхъ частяхъ постройки найдено было 5 человѣческихъ череповъ, рассыпавшихся отъ легкаго прикосновенія къ нимъ кетменя, но другихъ костей совершенно не оказалось. По открытой части, очевидно незначительной, судить о назначеніи зданія не представляется возможнымъ. Но во всякомъ случаѣ это не ворота, которыя по моимъ предположеніямъ здѣсь должны бы быть, а скорѣе или усыпальница или же мечеть. Мечети иногда строились въ углубленіяхъ земли. Такія мечети существуютъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Зданіе это особенно старымъ не можетъ быть и вѣрнѣе всего, что оно современно мечети Намазь-гохъ. На это указываетъ однородность и однокачественность кирпича и изразцовъ въ обоихъ зданіяхъ.

Отпущенныя въ мое распоряженіе Комитетомъ деньги въ размѣрѣ ста рублей употреблены исключительно на раскопки и другихъ расходовъ на нихъ не производилось. Около половины найденныхъ предметовъ, болѣе цѣнныхъ въ археологическомъ смыслѣ, я отправляю въ Императорскую Археологическую Коммисію, другая же половина, впредь до распоряженій Комитета, остается въ Самаркандскомъ Обл. Статистич. Комитетѣ.

8 марта 1905 г., г. Самаркандъ.

В. Вяткинъ.

Отчетъ В. О. Пилсудскаго по командировкѣ къ айнамъ и орокамъ о. Сахалина въ 1903—1905 гг.

8 іюля 1902 г. на небольшомъ пароходѣ «Зел» О-ва Вост.-Китайской жел. дороги я выѣхалъ изъ Владивостока на Сахалинъ. Въ южной части острова я долженъ былъ закупить у туземцевъ, его населяющихъ, айновъ и ороковъ, коллекціи для Этнографическаго Музея Академіи Наукъ. По прибытіи 11 іюля въ п. Корсаковскъ, админи-

стративный центр юга Сахалина, при помощи мѣстныхъ властей я выработалъ планъ ближайшихъ моихъ поѣздокъ въ зависимости отъ выяснившихся условій.

13 юля поѣхалъ я въ глубь о-ва на Сѣверо-востокъ отъ Корсаковска въ с. Сіянцы, отстоящее отъ послѣдняго въ 76 верстахъ, для перваго ознакомленія съ айнами, живущими небольшимъ селеніемъ изъ 3-хъ семействъ близъ русскаго поселка того же названія. Здѣсь я сдѣлалъ первую закупку этнографическихъ предметовъ и поторопился вернуться обратно въ п. Корсаковскъ, чтобы воспользоваться ближайшимъ пароходомъ, отходящимъ на западный берегъ, въ Мауку, самое крупное айнское селеніе на всемъ островѣ (21 юрта).

15 юля я уже плылъ на совершенно-пустомъ японскомъ пароходикѣ кругомъ м. Крильона съ его Камнемъ опасности, направляясь въ главный пунктъ западнаго побережья, въ Мауку (по айнски Эндункомо), гдѣ и высадился 16 юля.

Неожиданно встрѣтилъ я тутъ любезность и полную готовность помочь мнѣ со стороны представителей и служащихъ фирмы рыбопромышленниковъ «Семеновъ и Дембя», какъ русскихъ, такъ и японцевъ. Благодаря имъ, задача моя значительно была облегчена и ускорена. Прежде всего я получилъ въ свое распоряженіе обширное помѣщеніе въ 3 комнаты, гдѣ я могъ свободно принимать своихъ гостей-айновъ, разбирать и складывать купленные вещи и затѣмъ ихъ упаковывать въ ящики. Ни разу потомъ я не имѣлъ на Сахалинѣ при своихъ поѣздкахъ такихъ удобствъ, которыми я пользовался въ Маукѣ.

Приобрѣтеніе коллекціи шло быстро, потому что приманкою служили привезенные мною товары, получить которые населеніе могло по значительно болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ по той, которая существовала въ двухъ лавочкахъ рыбопромышленниковъ, широко пользовавшихся монопольнымъ своимъ положеніемъ въ торговыхъ дѣлахъ съ инородцами.

Описаніе купленныхъ предметовъ шло гораздо труднѣе. На всю окрестность не было ни одного айна, который бы кое-какъ говорилъ по русски. Объясненія къ отдѣльнымъ вещамъ я могъ получить лишь тѣ, которыя удавалось добыть скорѣе при помощи мимики, чѣмъ путемъ вопросовъ. Когда я пытался записать нѣкоторое количество

словъ айскихъ, то долженъ былъ прибѣгнуть къ японо-русскому словарьчику и спрашивать по японски. На этомъ языкѣ говорили свободно всѣ айны западнаго берега, не исключая даже дѣтей.

Фольклорнаго матеріала удалось мнѣ добыть здѣсь очень мало. Я сдѣлалъ перепись 17 селеній Маукинскаго района, большинство которыхъ посѣтилъ, дѣлая небольшія путешествія пѣшкомъ на югъ и сѣверъ отъ Мауки. Впрочемъ, значительная часть населенія всего побережья приходила въ гости ко мнѣ, главнымъ образомъ, чтобы послушать фонографъ, которымъ я записалъ на валики нѣсколько айскихъ пѣсенъ. Не смотря на усиленные просьбы, не могъ я добиться, чтобы пѣсни эти были мнѣ продиктованы. Уже собирались было мнѣ привести стараго человѣка, который соглашался медленно слово за словомъ говорить сказки и пѣсни, чтобы я имѣлъ возможность занести ихъ на бумагу, но наступило время, когда я долженъ былъ подумать объ отъѣздѣ.

Въ Мауку заходятъ пароходы О-ва Вост.-Кит. ж. д., крейсирующие между Владивостокомъ и Николаевскомъ лишь по спеціальному требованію Сахалинской администраціи, между тѣмъ всѣ лица, которымъ нужно было побывать въ Маукѣ въ этомъ году, уже успѣли воспользоваться сдѣланными этими пароходами рейсами. Расчитывать на то, что пароходъ зайдетъ еще разъ ради меня одного, не было основаній. Изъ двухъ путей, которые еще оставались, одинъ — пѣшкомъ вдоль западнаго берега на сѣверъ до Кусуная, оттуда тропой поперекъ о-ва до с. Мануэ и затѣмъ на югъ по Восточному берегу — былъ крайне неудобный и даже опасный. Пришлось бы пройти пѣшкомъ болѣе 100 верстъ до Серароко, гдѣ уже можно было бы расчитывать достать лошадей, причемъ переходъ узкою тропою отъ Кусуная до Мауки черезъ горы, тайгу и заболоченныя мѣста мѣшалъ переносу какихъ либо тяжестей, и нечего было думать закупать въ нѣкоторыхъ лежащихъ по пути селеніяхъ какія либо вещи. Обиліе бродягъ изъ бѣглыхъ каторжныхъ, которые шайками появлялись въ этихъ мѣстахъ въ этомъ году въ болѣе, чѣмъ въ прежніе годы, количествѣ, тѣмъ болѣе заставляло отказаться отъ такого плана. Пришлось поэтому согласиться на любезное предложеніе фирмы «Семеновъ и Демби» доставить меня и ящики съ вещами на одномъ изъ послѣднихъ промысловыхъ суденъ до Хакодатэ, а оттуда на другомъ пароходѣ до Корсаковска.

6 августа я выѣхалъ изъ Мауки, покидая съ искреннимъ сожалѣніемъ милыхъ айновъ, которые уже начали свыкаться и осваиваться со мною. Не смотря на сильное мое желаніе, обстоятельства не позволили мнѣ вторично посѣтить западный берегъ и собрать тамъ аналогично восточному этнографическій и фольклорный матеріаль. Небольшія замѣтки этого періода перваго знакомства съ маукинскими айнами я потомъ отчасти лишь пополнилъ случайною встрѣчею съ двумя айнами изъ той же мѣстности. Между тѣмъ южные айны западнаго берега имѣютъ не мало особенностей въ языкѣ, который здѣсь мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и въ обычаяхъ. Съ давнихъ поръ вліяніе здѣсь японцевъ было сильное; благоприятный климатъ и обиліе рыбы создали большее матеріальное благополучіе; между прочимъ, это единственный районъ, гдѣ айны знакомы съ постройкою шкунь небольшого размѣра и ведутъ артельную охоту на сивучей на о. Монеровѣ. — Въ послѣдніе годы здѣсь произошло своеобразное расовое смѣшеніе, такъ какъ кромѣ обилія смѣшанныхъ браковъ съ японцами, заводятъ родство съ айнами корейцы и китайцы, рабочіе на промыслахъ морской капусты. —

Привѣтливость, ласковость и общительность маукинскихъ айновъ, которые обладаютъ этими чертами характера въ ббльшей степени, чѣмъ айны другихъ мѣстностей Сахалина, главнымъ образомъ вызвали во мнѣ сильное желаніе познакомиться ближе съ этимъ интереснымъ племенемъ. Я написалъ въ Этнографическій Музей Академіи Наукъ о своемъ рѣшеніи остаться для этой цѣли на Сахалинѣ на болѣе продолжительное время. Образовавшемуся въ это время Русскому Комитету для изученія Средней и Восточной Азіи, оказавшему мнѣ пособіе въ 1903, 1904 и за половину 1905 г.г., я въ значительной степени и обязанъ осуществленіемъ своего намѣренія.

Въ Хакодате въ ожиданіи парохода я долженъ былъ просидѣть три недѣли. Пользуясь гостепріимствомъ г. Демби и подъ руководствомъ его молодыхъ сыновей и родственниковъ, г-па и г-жи Моритакі, я ознакомился съ достопримѣчательностями города и обыденною жизнью японцевъ, не подозрѣвая, что черезъ два года они привлекутъ вниманіе всего міра. Айна, къ сожалѣнію, ни одного не засталъ я въ Хакодате, а ѣхать въ даже ближайшее айнское селеніе потребовало бы средствъ и времени; ни того, ни другого не было въ моемъ распо-

ряженіи. 30 августа вернулся я въ Корсаковскъ, гдѣ задержался до 13 сентября, желая повидаться съ прибывшимъ 10 сентября Военнымъ губернаторомъ о-ва, генераломъ Ляпуновымъ. Онъ далъ мнѣ разрѣшеніе пользоваться архивами Полицейскаго Управленія по дѣламъ, касающимся айновъ, и просилъ составить при объѣздахъ моихъ полную перепись айновъ по выработанной совместно съ нимъ формѣ. Мнѣ было дано разрѣшеніе пользоваться при объѣздахъ по округу казенными лошадьми даромъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется почтовая дорога. Генералъ Ляпуновъ отнесся также вполне сочувственно къ предложенному мною проекту устроить первую, пробную небольшую школу грамоты для дѣтей айновъ. На пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ принадлежностей и пособій и плату учителямъ была выдана мнѣ небольшая сумма въ 150 рублей.

13 сентября я поторопился поѣхать на Восточный берегъ о-ва въ айнскія селенія Отосанъ и Серароко, гдѣ должны были состояться раньше обычнаго три медвѣжьихъ праздника. Не дожидаясь зимы, айны торопились съ медвѣжьимъ праздникомъ, такъ какъ въ семьяхъ хозяевъ медвѣдей утонули весною въ морѣ молодые люди во время охоты на нерпу. По этому случаю и съѣздъ айповъ былъ особенно многочисленъ и мнѣ удалось быть свидѣтелемъ крупнѣйшаго торжества въ жизни туземцевъ Сахалина. Время празднествъ было неподходящее ни для пріобрѣтенія коллекцій, ни для бесѣдъ. Даже вопросъ о школѣ не хотѣли разрѣшать собравшіеся старики, откладывая его на время, когда кончится праздничное настроеніе. Все таки пребываніе мое здѣсь дало мнѣ первое знакомство съ широкою массою айновъ восточнаго берега, и въ доказательство дружбы къ нѣкоторымъ изъ нихъ я долженъ былъ роздать привезенные съ собою товары въ долгъ, въ надеждѣ получить условленные предметы айнскаго обихода въ теченіе ближайшей зимы и весны. Тогда же я сдѣлалъ первыя записи текстовъ нѣсколькихъ сказокъ.

8 октября я вернулся обратно въ Корсаковскъ, захвативъ приготовленные для меня вещи въ с. Сіянпахъ. Ящики, привезенные изъ Мауки и хранившіеся въ складахъ тюремнаго вѣдомства, оказались прогрызенными крысами, которыя поѣли часть кожаныхъ издѣлій, а нѣкоторыя попортили. Пришлось разбить всѣ ящики и пересмотрѣть все въ нихъ уложенное. Коллекція, доставленная съ восточнаго берега,

по дорогѣ была подмочена, и сушка ея и затѣмъ укупорка заняли не мало дней. Послѣ сдачи ящиковъ на пароходъ Добровольнаго флота «Ярославль», я сталъ готовиться къ переѣзду на зиму въ какой либо пунктъ, который былъ бы ближе къ айнскимъ селеніямъ и тѣмъ школкамъ грамоты, которыя я долженъ былъ создать, руководя выбранными мною учителями. Изъ нихъ одинъ былъ мой воспитанникъ, молодой гилякъ, прошедшій курсъ 4-хъ классовъ Владивостокскаго Городскаго училища, другой — айнь (сынъ японца и айнки), знавшій хорошо грамоту японскую и очень плохо русскую, но обучавшійся дальше и систематически у меня. Съ 14 по 24 ноября я пробылъ въ 2 селеніяхъ Такоэ и Сіянцахъ, устраивая школку, записывая тексты и знакомясь съ языкомъ и обычаями айновъ. 24 ноября я поѣхалъ въ с. Руре на восточномъ берегу (въ 15 верст. отъ Сіянцъ), гдѣ радушно принятый хозяевами я сдѣлалъ не мало интересныхъ этнографическихкихъ записей, собралъ до 20 сказокъ и записалъ нѣсколько первыхъ героическихкихъ пѣсень «гауки». 10 декабря я вернулся на нартахъ, не смотря на сильный буранъ и полное отсутствіе дороги, въ русскій поселокъ Сіянцы, такъ какъ въ только что покинутомъ хлѣбосольномъ домѣ не могъ найти въ теченіе послѣднихъ дней подходящей пищи, а своя провизія вся вышла. 14 декабря я переѣхалъ въ с. Ай (въ 21 верстѣ отъ с. Сіянцъ), гдѣ рѣшилъ устроить свою главную квартиру въ домѣ богатаго айна, устроенномъ по русски. Казалось, это былъ лучший выборъ изъ возможныхъ комбинацій устройства квартиры. Въ 1½ вер. былъ русскій поселокъ — с. Охотское, въ которомъ можно было всегда достать печенаго хлѣба, масла, яицъ, а иногда и мяса. Тѣмъ не менѣе комбинація эта имѣла и свои неудобства. Всю зиму проѣзжіе айны изъ разныхъ мѣстъ останавливались на полъ сутокъ, сутки и болѣе у моего хозяина, самаго вліятельнаго человѣка въ своемъ племени, заходили они всегда почти и ко мнѣ, но обыкновенно для привѣтствія, изъ желанія послушать музыку фонографа, а еще чаще за совѣтомъ и съ просьбою написать прошеніе или похлопотать о томъ или другомъ передъ властями. Ипользовавъ меня для своей цѣли, гость подъ разными предлогами прекращалъ визитъ. Дѣло въ томъ, что всѣ проѣзжіе были гостями прежде всего хозяина дома и должны были изъ уваженія къ нему и почета, который ему полагался, какъ фактическому старшиѣ, примѣняться къ его желаніямъ. Ему же

не хотѣлось, чтобы кто либо очень со мною сближался. Старый взгляд айновъ, поддерживавшійся при подчиненіи ихъ японцамъ, что старшина только одинъ ведетъ всѣ переговоры съ барами - иноземцами, еще не исчезъ, и мой хозяинъ внутренно страдалъ, что я игнорирую его положеніе, не соглашался на его предложеніе вести всѣ бесѣды лишь съ нимъ однимъ, который былъ крайне несвѣдуецъ въ традиціяхъ своего племени, занятый больше японцами и русскими. Дни пооекъ на хозяйской половинѣ были особенно тяжелы, а ихъ было не мало такъ какъ не только старшина и братъ его любили угощать проѣзжихъ, но задерживали всегда подольше тѣхъ изъ нихъ, которые везли съ собою изъ п. Корсаковска домой купленный спиртъ. Всѣ эти неудобства побуждали меня дѣлать частыя отлучки въ ближайшія селенія. Кромѣ того я рассчитывалъ при этомъ видѣть больше разнообразныхъ сценъ и моментовъ изъ жизни айновъ и слышать непринужденные, откровенные отвѣты на мои разспросы, такъ какъ айны только у себя дома и въ средѣ, которая не создаетъ никакой неловкости, говорить свободно и безъ стѣсненія. Нѣкоторые сознавались мнѣ, что одна домашняя обстановка у очага, при трескѣ пылающаго и согрѣвающего огня, привычный способъ сидѣнія имѣютъ важное значеніе для легкой работы мысли и памяти и вызываютъ охоту къ разговору. Поэтому я радъ былъ всякому приглашенію того или иного айна, чтобы побывать у него, использовать его, насколько позволяли обстоятельства, добыть интересныя для меня свѣдѣнія, присмотрѣться къ обстановкѣ, поискать новыхъ предметовъ или сравнить ихъ съ тѣми, которые были уже мнѣ знакомы. На поѣздки и сборы къ нимъ тратилось много времени, но это давало больше разнообразія въ выборѣ людей и подходящихъ моментовъ, которыми слѣдовало воспользоваться. При сложившихся условіяхъ такой именно способъ ознакомленія съ бытомъ и внутреннимъ міромъ айновъ оказался лучшимъ, хотя и сопряженный съ переѣздами. Съ 14 по 31 декабря я занялся изученіемъ полученнаго позднею осенью словаря Добротворскаго и первую его проверку; она дала слабые результаты, но понемногу я прибрѣлъ большее количество словъ, которыми могъ пользоваться, составлялъ разныя фразы и вопросы для непонимающихъ вовсе по русски дѣтей, женщинъ, стариковъ, съ которыми имѣлъ въ виду бесѣдовать при ожидавшихся встрѣчахъ.

2 января 1903 г. я поѣхалъ дальше до Серароко и здѣсь, а затѣмъ въ ближайшихъ двухъ селеніяхъ, Мануэ и Очакотанѣ, сдѣлалъ нѣкоторое количество этнографическихъ и фольклорныхъ записей.

Январь прошелъ въ поѣздкахъ, для обозрѣнія айскихъ школъ и по личнымъ дѣламъ, въ Корсаковскѣ.

1 февраля вернулся домой и до 15 февраля продолжалъ практическое изученіе языка. Получивъ на этотъ срокъ одного парня 16 лѣтъ, сравнительно свободно говорившаго по русски, сдѣлалъ первые опыты подстрочнаго перевода сказокъ, что до сихъ поръ мнѣ не удавалось. Обыкновенно плохо говорившіе по русски, хотя и обрусѣлые переводчики передавали мнѣ значеніе не отдѣльныхъ словъ, а цѣлыхъ фразъ, и даже сразу пытались передавать весь сюжетъ сказки. 15 февраля уѣхалъ мой переводчикъ, отозванный родными. Вообще пойти человѣка за деньги на болѣе продолжительное время было невозможно. Въ рыбный сезонъ и во время охоты и говорить нечего, но даже и зимою работы всегда находилось много при перевозкахъ почти и частныхъ грузовъ и пассажировъ на нартахъ, по возкѣ дровъ для отопленія и т. п. Зимою же происходили визиты стариковъ и пожилыхъ людей въ дальнія селенія, а молодые или сопровождали ихъ, или оставались дома. Я принялъ поэтому охотно приглашеніе семьи родового старшины въ с. Руре и того же числа отправился туда со специальнымъ намѣреніемъ продолжать переводы сказокъ и героическихъ пѣсенъ, особый языкъ которыхъ былъ знакомъ немногимъ и въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, кто зналъ эти пѣсни наизусть. — 1 марта я опять былъ въ с. Ай, гдѣ оставался до 23 апрѣля, принимая приносимыя мнѣ заказанныя ранѣ вещи, продолжая упражненія въ болѣе бѣглому разговорѣ, готовясь поѣхать въ мѣста, гдѣ русскій языкъ совершенно неизвѣстенъ.

30 апрѣля въ айскомъ челоукѣ отправился вдоль морского берега на югъ въ селенія Обусаки, Оцѣхнока, Тунайчи и Айруно. Почти всѣ жители этихъ селеній были въ сборѣ въ это время въ Тунайчахъ для лова селедки, и въ этомъ стойбищѣ я оставался дольше всего, записавъ одни изъ самыхъ интересныхъ текстовъ: сказокъ, преданій и поэмъ «ойпа», знатоки которыхъ сохранились почти исключительно въ Тунайчахъ. Тутъ же мнѣ довелось присмотрѣться къ отношеніямъ, складывающимся между айнами и японскими рыбопромышленниками,

покупающими у нихъ рыбные продукты, тукъ изъ селедки и соленую горбушу. 16 мая я вернулся тѣмъ же путемъ назадъ усталый, проголодавшийся, такъ какъ кромѣ рису и на половину проявленной несвѣжей рыбы «чевницы» ничего не могъ достать на мѣстѣ, но зато результатами поѣздки я былъ крайне доволенъ. Люди здѣсь подверглись меньшему вліянію сосѣдей колонизаторовъ. Жизнь текла здѣсь нормальнѣе своими замкнутыми интересами. Завѣты предковъ, преданія вѣковъ сохранились въ болѣе чистомъ видѣ. Я встрѣтилъ здѣсь многое, на что не наткался въ полуобрусѣлыхъ селеніяхъ восточнаго берега, до того времени мнѣ знакомыхъ. Начинаясь ходъ селедки мѣшалъ мнѣ оставаться тамъ дольше, такъ какъ всѣ были слишкомъ заняты и не могли уже удѣлять мнѣ вниманія и времени. Та же страдная пора наступила и въ селеніяхъ, лежащихъ ближе къ р. Найбѣ и къ району, заселенному русскими. Остановившись въ квартирѣ надзирателя пады складомъ въ п. Найбучи, я посѣщалъ почти ежедневно расположенное въ 6 верстахъ селеніе «Сакаяма», возлѣ котораго ловили селедку айшы 5 селеній—Сакаямы, Такоэ, Сіяницъ, Найбучи и Ай. Изрѣдка я доходилъ до с. Руре, лежащаго въ 7 верстахъ къ югу отъ Сакаямы. Я приглядѣлся къ работѣ айскихъ артелей въ этомъ главномъ занятіи айновъ, являющемся экономическою основою ихъ жизни. Выяснились для меня внутреннія взаимныя отношенія членовъ артелей и ихъ главарей, а также формы надзора въ лицѣ низшей промысловой стражи «объѣздчиковъ», о взяточничествѣ которыхъ слышался много и отъ японцевъ, и отъ мѣстной администраціи, и отъ айновъ. Познакомился я съ техническою стороною лова рыбы и приготовленія тука, а также со спеціальными суевѣріями и обрядами, связанными съ рыбными промыслами. Эти «общественные промыслы», которыми надѣлены были айны съ 1901 г., не только подняли ихъ матеріальное благосостояніе, превративъ ихъ изъ наемныхъ работниковъ въ самостоятельныхъ хозяевъ, но и пробудили ихъ самосознаніе, вызвавъ желаніе стать вообще на высшую ступень культуры. Тутъ же я наткнулся на живые примѣры ненормальнаго положенія айновъ, вернувшихся съ о. Хоккайдо, такъ пазываемыхъ на Сахалинѣ «Искари айновъ». Это выходцы или дѣти выходцевъ, выселившихся изъ бухты Анивской и вообще изъ южной части о-ва въ 1875 г., послѣ передачи ея японцами русскимъ, на о. Хоккайдо и поселенныхъ тамъ въ долинѣ р. Искари.

Съ теченіемъ времени не мало изъ этихъ эмигрантовъ возвращалось обратно въ родныя мѣста, къ ближайшимъ родственникамъ, и, по сдѣланной мною впервые переписи, этихъ стоящихъ впѣ покровительства закона людей уже было въ 1904 г. 102 мужчинъ и 101 женщинъ (включая и дѣтей). Лица промысловаго надзора относились подчасъ къ такимъ айнамъ, живущимъ годами безпрепятственно въ общихъ условіяхъ съ мѣстными айнами и связаннымъ съ послѣдними тѣсными узами родства, какъ къ иностраннымъ подданнымъ, участіе которыхъ на «общественныхъ» рыбныхъ промыслахъ запрещалось и преслѣдовалось. Послѣ того какъ я представилъ всѣ данные этого запутаннаго вопроса, всею тяжестью ложившагося на претерпѣвшихъ и безъ того много въ жизни «Искарі айновъ», мѣстная администрація возбудила онихъ ходатайство и уже во время войны получило согласіе высшей власти въ краѣ признать русскими подданными тѣхъ Искарі-айновъ, которые того пожелаютъ и прожили вновь на Сахалинѣ болѣе 5 лѣтъ. 6 іюня отправился я въ п. Корсаковскъ и сталъ готовиться къ поѣздкѣ на промысловомъ пароходѣ въ заливъ Терпѣнія къ сѣвернымъ айнамъ и орокамъ, откуда рассчитывалъ вернуться въ концѣ августа или даже зимою, но получивъ приглашеніе присоединиться къ экспедиціи В. Л. Сѣрошевскаго къ айнамъ о. Хоккайдо, я отмѣнилъ всѣ требовавшіяся ранѣе приготовленія и сталъ готовиться въ повый путь. Поѣхалъ на восточный берегъ, сдѣлалъ заказы вещей, добылъ переводчика айна, говорившаго по японски, оказавшагося намъ затѣмъ очень полезнымъ, и 20 іюня выѣхалъ на Хоккайдо. Хотя путешествіе наше выпало въ крайне неблагоприятное время лихорадочнаго возбужденія японцевъ противъ Россіи и безустанныхъ приготовленій къ войнѣ, по польза, вынесенная мною за эти три мѣсяца, была громадная. Болѣе близкое непосредственное знакомство съ айнами о. Хоккайдо выдвинуло для меня много вопросовъ, до сихъ поръ мало затронутыхъ; мягкость климата и большая ласковость природы, повизна всей обстановки и болѣе нормальныя соціальныя условія, общее чарующее вліяніе японскаго склада жизни, такъ далекаго отъ полнаго грубости и пошлости жизненнаго фона на Сахалинѣ, наконецъ, совмѣстная работа съ такимъ опытнымъ этнографомъ, какъ В. Сѣрошевскій — все это такъ меня пріободрило, оживило, что я со свѣжимъ приливомъ энергіи возвращался для продолженія работы на мрачный Сахалинъ, съ его

ужасами, преступленіями, страданіями. 24 сентября я уже былъ въ Корсаковскѣ, а 29 сентября отправился въ с. Ай, чтобы собрать заказанныя вещи. 14 октября я привезъ ихъ всѣ въ п. Корсаковскъ и въ концѣ октября, уложивъ ихъ въ ящики, сдалъ на пароходъ Добровольнаго Флота «Ярославль». Въ Корсаковскѣ оставался я до отхода послѣдняго парохода (японскаго), до 29 ноября. Главнымъ образомъ я былъ занятъ переводомъ записанныхъ на о. Хоккайдо айскихъ текстовъ. Значеніе многихъ словъ, мнѣ незнакомыхъ, было передано мнѣ, при переводѣ съ айнами на мѣстѣ, по японски, и приходилось теперь при помощи знакомыхъ интеллигентныхъ японцевъ, перевести это на руссій языкъ. Но такъ какъ большинство такихъ словъ были мнѣ продиктованы айнами на нарѣчій, понятномъ лишь японцамъ, живущимъ на Хоккайдо, и имѣющимъ частыя сношенія съ первыми, то добиться объясненія было не легко. То и дѣло приходилось спрашивать простолудиновъ японскихъ и старожиловъ о. Хоккайдо, которые встрѣчались въ п. Корсаковскомъ въ качествѣ прислуги у купцовъ п въ японскомъ консульствѣ. Въ это время я встрѣтился съ тремя ольчами (мангунами) съ Амура изъ подѣ Маріинска, которые называли себя «наіі» (айшы ихъ называютъ «сяпта») и пріѣхали оттуда на югъ Сахалина съ русскими торговцами скупать здѣсь пушнину. Я завелъ съ ними знакомство и въ бесѣдахъ въ свободное для нихъ время пытался узнать кое-что изъ ихъ обычаевъ, отношеній прежнихъ и нынѣшнихъ къ айнамъ, а также записалъ до 2000 словъ языка ольчей и нѣсколько загадокъ. 29 ноября я выѣхалъ на восточный берегъ о-ва въ п. Найбучи, гдѣ устраивалъ въ наступающую зиму одну айскую школку - интернатъ при непосредственномъ своемъ участіи. Полное сочувствіе я встрѣтилъ въ лицѣ управлявшаго тогда островомъ Ф. Ф. фопъ - Бунге, получивъ опять авансъ въ 200 р. Занятія начались сейчасъ послѣ моего пріѣзда и пошли очень удачно; къ сожалѣнію, годъ войны помѣшалъ мнѣ довести свой первый опытъ насажденія айнамъ грамоты до болѣе ощутительныхъ результатовъ. — 7 декабря отправился я въ с. Такоэ, гдѣ пробылъ 8 и 9 числа, присутствуя на медвѣжьемъ праздникѣ, дополняя свои прошлогоднія наблюденія. 10-го съѣздила на одинъ день въ с. Ай для приготовления къ празднику убіенія лисицъ, чтó должно было произойти въ ближайшіе дни. Еще весною я купилъ

пару молодыхъ лисицъ и отдалъ затѣмъ моему прежнему хозяину на воспитаніе, со спеціальною цѣлью видѣть весь церемональ лисьего праздника, практикующагося теперь у айновъ очень рѣдко. Послѣдній имѣлъ мѣсто 10 лѣтъ назадъ. 18, 19 и 20-го присутствовалъ на праздникѣ, при угощеніи гостей, танцахъ, убіеніи лисицъ и выносѣ затѣмъ ихъ череповъ въ лѣсъ. 21-го вернулся обратно въ Найбучи со всѣми учениками, желавшими также поглядѣть на всю обрядность позабытаго праздника. 7 января я поѣхалъ въ Отосанъ, чтобы присутствовать при приготовленіяхъ къ празднику постаповки «инау» разпымъ богамъ въ середнѣ зимы. 9 января вернулся домой.

Обыкновенно дни проходили въ занятіи въ школкѣ съ дѣтьми, составленіи карточнаго словаря провѣренныхъ словъ, переводахъ текстовъ, ихъ перепискѣ и случайныхъ записяхъ тѣхъ новыхъ свѣдѣній, которыя удавалось добыть при бесѣдахъ съ заходившими ежедневно нѣсколькими мужчинами или женщинами изъ с. Найбучи, проѣзжавшими мимо или спеціально приходившими поглядѣть на школу и происходившее въ ней обученіе. 5 февраля долженъ былъ поѣхать въ Сіянцы, вызванный мѣстными властями, которыя мнѣ въ третій разъ послѣ объявленія о началѣ вспыхнувшей войны съ Японіей предлагали принять мѣсто Смотрителя Военно - Полевого Госпиталя на 400 кроватей, предполагаемаго къ открытію въ Корсаковскомъ округѣ. Я отказался отъ оказаннаго мнѣ довѣрія и чести, не желая прерывать, пока это было возможно, своей работы, которая была мнѣ дороже обѣщанныхъ благъ. До конца марта оставался я въ томъ же районѣ, посѣщая Сіянцы, Найбучи и Отосанъ и переселившись въ с. Ай. Всѣ почти учившіяся дѣти были взяты родителями домой. Нѣкоторые изъ нихъ говорили мнѣ, что хотѣли бы быть въ случаѣ опасности вмѣстѣ и умереть въ одно время. Дѣйствительно наступили тревожныя времена, во время которыхъ, казалось, всѣ потеряли головы. Вопросъ о войнѣ занималъ каждого, половину дня всякій посвящалъ обсужденіямъ условій войны, предположеніямъ о судьбѣ Сахалина. Почти всѣ были увѣрены, что сюда японцы явятся вотъ вотъ черезъ недѣлю, завтра, можетъ быть, сегодня. Слуховъ о сдѣланной уже высадкѣ было много. Въ различныхъ пунктахъ юга Сахалина на рыбныхъ промыслахъ и въ самомъ п. Корсаковскѣ было до 700 японцевъ. Многіе боялись нападенія съ ихъ стороны и возстанія. Устраивались поѣздки для разо-

руженія ихъ. Не меньше тревоги и толковъ, уже менѣе открытыхъ, но еще болѣе смущающихъ, возбуждалъ вопросъ о каторжныхъ, населеніи вообще и тѣхъ дружинахъ, которыя были сформированы изъ числа тѣхъ и другихъ. Мало довѣрія внушало это войско, пабранное болѣею частью ихъ худшаго элемента преступниковъ. Раздавались открыто голоса, а въ тайнѣ думали такъ почти всѣ, что эти дружины превратятся скоро въ вооруженныя шайки и что въ моментъ прихода непріятеля или даже до него начнутся грабежи, насилія, убійства со стороны призванныхъ защищать мирное населеніе и территорію Сахалина. Передвиженіе вдоль восточнаго берега удесятерилось. Свозили и перевозили провіантъ, передвигались отряды, ѣздили съ осмотрами мѣстностей и ревизіями, началось затѣмъ собираніе всѣхъ японцевъ въ Корсаковскъ, откуда должны были быть вывезенными всѣ до одного на родину. Жизнь среди этой сутолки была песносна, всякая работа спокойная была немислима. Айны были или втянуты въ ту же суету, или выбиты изъ коленъ несообразными, по всегда наводящими ужасъ, разговорами русскаго населенія и съ другой стороны несомнѣнно существовавшими внушеніями и увѣреніями японцевъ въ скоромъ торжествѣ ихъ и захватѣ всего Сахалина. Не до спокойныхъ было бесѣдъ и объясненій значенія и подробностей какого либо обычая, выраженія; умы не способны были заглядывать въ прошлое или оторваться отъ дѣйствительности. Никто не могъ отдѣлаться отъ мучительнаго вопроса и страха передъ тѣмъ, что будетъ завтра. Я торопился съ отъѣздомъ на сѣверъ восточнаго берега, а пока исподволь ловилъ удобныя минуты для перевода съ кѣмъ либо текстовъ. Большую часть вещей отослалъ я со случайными обратными шартами и ждалъ лишь своего пріятеля лѣсничаго, командированнаго для описанія лѣсовъ Сахалина, а по случаю войны, вызваннаго обратно въ Хабаровскъ. 31 марта до восхода солнца мы выѣхали изъ с. Ай на партахъ. Рѣчки уже растаявшія падо было переходить въ бродъ. Далѣе с. Огакотанъ ѣхать берегомъ было невозможно. Морозъ ночью былъ незначительный, снѣгъ не держалъ, и при поѣздкѣ черезъ Могун-котавскія горы пришлось бы безконечное число разъ переходить черезъ распустившіяся и все болѣе наполпавшіяся горныя рѣчки. Переночевавъ на промыслѣ Вари и переждавъ еще одинъ день, пока не измѣнился морской вѣтеръ, прибавшій много льду къ берегу, мы 2 апрѣля на двухъ

аинскихъ лодкахъ двинулись дальше. 3 апрѣля были мы въ аинскомъ с. Хунупъ, гдѣ сдѣлали дневку, пока не нашлись перемѣнные гребцы и лодки. Здѣсь впервые я встрѣтилъ землянку, изъ которой, впрочемъ, уже переселились айны въ лѣтнюю юрту. 4-го пришлось переночевать въ пустомъ и на половину разоренномъ сараѣ для храненія соленой горбуши и 5-го были въ с. Найеро. Поѣздка по Охотскому морю, обычно очень бурному, была въ это время, благодаря обилію плавающего и пемного лишь отошедшаго отъ берега льда, — вполне спокойною. Мучило лишь сидѣніе безъ всякаго движенія въ узкой лодчкѣ и холодъ съ сыростью, которые проникали до костей, не смотря на пальто-шубу и теплую зимнюю обувь. По дорогѣ я записалъ всѣ географическія названія мѣстностей, мимо которыхъ проѣзжали; о нѣкоторыхъ узналъ очень интересныя преданія. Эта поѣздка дала мнѣ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ, связанныхъ съ моремъ и о цѣломъ рядѣ запретныхъ словъ, замѣняемыхъ въ морѣ иными. 6 апрѣля изъ Найеро на нартахъ по пологому берегу, покрытому еще крѣпкимъ толстымъ слоемъ снѣга, переѣхалъ я въ Тихменевскій постъ у устья р. Пороная, гдѣ рассчитывалъ создать себѣ временную квартиру. Попалъ я сюда въ самый разгаръ охоты на нерпу, которая добывается здѣсь весною во время плаванія льдовъ у берега въ громадномъ количествѣ и удовлетворяетъ не только потребности мѣстныхъ инородцевъ въ шкурахъ и жирѣ, но и живущихъ южнѣе на западномъ берегу и внутри о-ва по р. Тыми. Заняты были и айны, и гиляки, и ороки, живущіе въ районѣ залива Терпѣнія. Многіе выѣхали далеко отъ селеній на сѣверо-востокъ залива къ мысу Терпѣнія, охотясь тамъ по двѣ, три недѣли и даже по мѣсяцу. Часть, оставшаяся дома, пользовалась спокойною погодою и шныряла на лодкахъ между льдинами цѣлыми днями. Даже тогда, когда выѣхать въ море не позволяли вѣтеръ и волненіе, у всѣхъ было достаточно работы: рѣзка и варка жиру, напяливаніе и сушка кожъ, налаживаніе лодокъ и острогъ, чистка ружей, заготовка провизіи, починка одежды и т. п. Женщины или участвуютъ въ этихъ работахъ или, замѣняя мужчинъ, рубятъ и доставляютъ дрова, кормятъ собакъ и, конечно, по горло имѣютъ своихъ собственныхъ хлопотъ по хозяйству и уходу за дѣтьми. Поэтому айны меня просили, чтобы я не торопился съ визитами, пока они не освободятся отъ спѣшныхъ работъ настолько, чтобы они могли

оказать мнѣ должное вниманіе. 22 апрѣля я переѣхалъ въ большое айновское селеніе Найеро, лежащее въ 18 верстахъ къ югу отъ п. Тихоменевскаго и пробылъ тамъ до 4 мая. Мое пребываніе здѣсь, а затѣмъ въ Тарайкѣ, дало мнѣ за короткое время массу драгоцѣннаго матеріала. Айны здѣшніе лучше другихъ сохранили чистоту своихъ обычаевъ и традицій, чѣмъ сильно и постоянно гордятся, и неоднократно мнѣ подчеркивали свои преимущества въ этомъ отношеніи. Языкъ ихъ имѣетъ многія отличія; онъ грубѣе: и меньше въ немъ сокращеній и выпаденій буквъ и слоговъ. Въ нѣкоторыхъ взглядахъ проскальзываетъ вліяніе сосѣдей гилаковъ и ороковъ. Мѣсто тутъ менѣ бойкое, русскихъ очень мало, весь складъ жизни оказался ближе къ тѣмъ временамъ, когда бѣлые пришельцы со своей чуждой, односторонней культурой и дикими жестокими нравами не внесли хаоса въ душевный міръ дѣтей сахалинской природы. Распутица, отрѣзавшая насъ отъ юга и сѣвера, мѣшала появленію какихъ бы то ни было новыхъ лицъ. Молодежь почти вся еще была внѣ дома на охотѣ, и никто не мѣшалъ моимъ бесѣдамъ съ почтенными стариками, тянувшимися нерѣдко съ утра до поздняго вечера. И здѣсь, какъ часто раньше, приходилось ловить удачный моментъ, хорошо сложившіяся условія сеанса, настроеніе собесѣдника, имѣющее такое значеніе въ подобныхъ случаяхъ. Бывало, что цѣлую ночь просидимъ на пролетъ въ оживленныхъ разговорахъ, и бывало наоборотъ, что нѣсколько дней подъярды не давали существенныхъ наблюденій. Отношенія мои къ айнамъ уже установились, я былъ желаннымъ для нихъ гостемъ, котораго тутъ ждали долго. Рушились недовѣріе и боязнь, чтобы изъ откровенныхъ разговоровъ не вышло неприятныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что по айнски я объяснялся уже довольно свободно. Здѣсь между прочимъ мнѣ удалось присутствовать при праздникѣ принесенія собаки въ жертву богамъ горъ, чтобы умиловитивать ихъ и выпросить встрѣчу съ медвѣдемъ, нѣсколько лѣтъ не попадавшемуся въ глаза охотникамъ одной семьи.— 9 мая на лодкѣ выѣхалъ я рано утромъ изъ устья Пороная и берегомъ моря, а затѣмъ рѣкою Тарайкою, добрался ночью до самаго сѣвернаго селенія айновъ, Тарайки. Хотя уже и с. Найеро, недавно образованное, главнымъ образомъ заселено выходцами изъ старинной и нѣкогда очень многолюдной Тарайки, но Найеровскіе айны уже утратили отчасти тѣ своеобразныя черты, которыя, по мнѣнію всѣхъ,

отличаютъ Тарайкинскихъ айновъ отъ прочихъ. Одни только Тарайкинскіе айны сохранили свою полную независимость отъ крѣпостного ига, которое было наложено на айновъ восточнаго и западнаго берега японцами въ первой половинѣ XIX вѣка. Тутъ мнѣ съ гордостью разсказывали, что сюда являлись съ юга бѣглецы, спасаясь отъ тяжести принудительныхъ на японскихъ рыбныхъ промыслахъ работъ. Тарайкинскіе айны считаютъ себя самыми воинственными, охотно говорятъ о бывшихъ здѣсь жестокихъ войнахъ между ними и ороками и не прочь были бы сразиться съ ними еще разъ, если бы только явился довольно вѣскій къ ссорѣ поводъ. Поддерживая издавна частыя сношенія съ гилеяками, они имѣли съ ними даже родственныя связи. Меня предупреждали айны, что здѣсь туги будутъ на какія либо разъясненія. Дѣйствительно, свободно со мной говорили далеко не всѣ, не смотря на усиленныя старанія моего пріятеля, вліятельнаго въ этомъ селѣ, и прилагавшаго все свое стараніе, чтобы удовлетворить меня пребываніемъ въ его родномъ селѣ. Оказалось потомъ, что родовой старшина, изъ зависти, а можетъ быть и изъ консерватизма, будировалъ противъ меня и предостерегалъ айновъ не особенно довѣрять моей дружбѣ: она имѣетъ цѣлью, по его словамъ, перемѣнить мысли айновъ и заманить ихъ затѣмъ въ чужую страну, на мою родину. Натянутость отношеній нѣкоторыхъ ко мнѣ вызвала то, что мой чичероне не позволялъ мнѣ ничего такого дѣлать, что по мнѣшю его недруговъ было бы сочтено нарушеніемъ дѣдовскихъ обычаевъ. Я имѣлъ намѣреніе покопаться въ обильныхъ въ этихъ мѣстахъ остаткахъ жилищъ «Тончи», но долженъ былъ отказаться отъ этого и ограничиться сборомъ глиняныхъ черепковъ, лежавшихъ уже на поверхности. До этого я копалъ во многихъ мѣстахъ близъ с. Серароки около тѣхъ ямокъ, гдѣ былъ найденъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ полный горшокъ. Тамъ же въ Серарокахъ мнѣ удалось взять два лежавшихъ почти наружу на старыхъ могилахъ айнскихъ черепа, которые и отослалъ въ Академію Наукъ. Я постоянно пользовался услугами айновъ, они были со мною неотлучно, такъ что я не могъ лично достать ни надгробнаго памятника, ни череповъ. Я дорожилъ тою дружбою и довѣріемъ, которыми я у айновъ сталъ пользоваться и не могъ позволить себѣ что либо такое, что разрушило бы въ корнѣ ихъ довѣріе ко мнѣ. Да и больно мнѣ было бы огорчить тѣхъ людей, къ которымъ чувствовалъ искреннюю симпатію.

Не могу я забыть, какъ слѣдилъ за мною, прячась въ кустахъ и за пнями айнгъ, когда я въ первое свое посѣщеніе селенія Такозъ въ сопровожденіи надзирателя надъ сосѣдней казенной мельницей пошелъ осмотрѣть аинское кладбище. Подозванный мною айнгъ объяснилъ мнѣ, что его послали сюда смотрѣть за нами женщины, увидавшія, что мы направились къ кладбищу. Всѣ они знали о склонностяхъ русскихъ выкапывать могилы и страшно возмущались этимъ неуваженіемъ къ праху умершихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я слышалъ отъ мѣстнаго судьи, что, когда онъ хотѣлъ вырыть уже погребенный трупъ убитаго русскими гиляка, то старуха мать его съ крикомъ заявила, что не допустить до оскверненія могилы и скорѣе убьетъ себя ножомъ, который держала въ рукахъ. Надгробные памятники, посланные мною въ Музей Академіи Наукъ, были добыты по моей просьбѣ д-ромъ Н. В. Кириловымъ въ с. Маука.

14 мая я поѣхалъ со своимъ пріятелемъ къ орокамъ. Онъ обѣщала мнѣ оказать свое содѣйствіе и сблизить меня со своимъ другомъ шаманомъ, орокомъ с. Вальзы, расположеннаго по другую сторону обширнаго озера Тарайки. Однако немного помогли рекомендаціи и похвалы искренно мнѣ преданнаго айна. Несмотря на всѣ мои увѣренія и убѣжденія, шаманъ не согласился произвести при мнѣ камланія. Даже всѣ принадлежности шаманскія были тщательно припританы, очевидно при моемъ приближеніи на лодкѣ, а на видномъ мѣстѣ было повѣшено евангеліе, котораго, конечно, никто читать не могъ. Хозяинъ былъ сдержанъ весь вечеръ, и расшевелить его мой спутникъ не былъ въ силахъ. Видимо на меня смотрѣли, какъ на барина, равносильнаго священнику или чиновнику.

На слѣдующій день я заѣхалъ въ орокское селеніе Муйгаця, тоже лежащее на берегу оз. Тарайки. Ороки, какіе только были, сбѣжали въ лѣсъ, встрѣтилъ я лишь одного гиляка, женатаго на ороцкѣ, и здѣсь я получилъ отъ этой семьи первыя свѣдѣнія изъ быта ороковъ. Вечеромъ мы были уже дома въ Тарайкѣ. Вернулся съ объѣзда называвшій себя мѣстнымъ докторомъ старикъ шаманъ, ольча (мангунъ), переселившийся сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ Амура. Я былъ приглашенъ на сеансъ и получилъ нѣкоторые объясненія, а передъ отъѣздомъ узналъ, что боги будутъ хранить меня и я счастливо завершу свое путешествіе

Начинался ловь сеledки, я становился обузоу и отправился 20 мая пѣшкомъ въ большое гиляко - орокское селеніе Социгаре, расположенное на лѣвомъ берегу р. Пороная въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ отъ устья. Поселился я въ юртѣ стараго друга моего, гиляка Канки, переѣхавшаго лѣтъ 8 назадъ съ долины р. Тыми. При его помощи и благодаря ручательству его, разсѣялся страхъ, который обузяль всѣхъ ороковъ по отношенію ко мнѣ. Выяснилось, что кто то пустилъ слухъ, можетъ быть даже шутя, что ороки, какъ племя крещеное, должны будутъ идти въ ряды защитниковъ Сахалина и что я пріѣхалъ переписать всѣхъ способныхъ носить оружіе. Отсюда то непонятное для меня избѣганіе и боязнь какой бы то ни было со мною бесѣды, что я замѣчалъ при всякихъ моихъ встрѣчахъ съ орокамп со дня пріѣзда въ Тихменевскъ. Мой старый пріятель, гилякъ Канка, въ первый же день познакомилъ меня со своимъ сородичемъ - орокомъ, а вскорѣ стали заходить ко мнѣ почти всѣ пугливые, какъ вороны, по опредѣленію айновъ, ороки и бесѣдовать обо всемъ, не исключая даже о предметахъ религіозныхъ. Шаманка, жившая въ этомъ селѣ, продѣлала при мнѣ нѣсколько разъ камланіе и я присутствовалъ при крайне интересномъ обрядѣ посвященія молодой женщины въ шаманки. — 21 мая происходилъ праздникъ нерпы, отложенный нарочно до моего возвращенія изъ Тарайки. Праздникъ состоялъ въ постановкѣ «инау» на берегу рѣки и бросаніи череповъ нерпы, убитой въ только что окончившійся сезонъ охоты, въ воду съ начинкою нѣсколькихъ видовъ растений и малыхъ «ипау». Подъ вечеръ были веселья гонки на лодкахъ; поглядѣть на это зрѣлище высыпало на берегъ рѣки все населеніе деревни. Угощенія не было: у всѣхъ было полное оскуднѣніе запасовъ. Одинъ Канка, пользуясь моимъ рисомъ, могъ за всѣхъ бросить его въ воду въ видѣ жертвы, и затѣмъ остатки доѣсть со своею семьею. 22 мая пошелъ я пѣшкомъ въ с. Найеро, гдѣ должны были происходить однородный праздникъ нерпы, вторичное принесеніе въ жертву медвѣдю собаки и обрѣзаніе клыковъ медвѣженку, воспитываемому въ клѣткѣ. Пробылъ я въ Найеро до 1 іюня, присутствуя при всѣхъ этихъ обрядностяхъ, приглядѣлся къ лову и заготовкѣ вироку корюшки, имѣющей здѣсь значеніе сеledки на югѣ, какъ основной кормъ собакъ на зиму; также записалъ нѣсколько преданій и этнографическихъ замѣтокъ. 1 іюня вернулся въ с. Социгаре и, живя въ средѣ

гиляко - орокской, началъ составлять орокскій словарьчикъ, выяснилъ себѣ въ общихъ чертахъ родовое устройство ороковъ и составилъ списокъ предметовъ, которые должны были войти въ коллекцію. Ороки удивительно легко переходятъ къ новымъ формамъ культуры. Первоначально оленеводы, они, потерявъ оленей, перешли къ образу жизни гилякъ. Съ появленіемъ на островѣ тунгусовъ - оленеводовъ, они развели вновь оленей, переняли одежду ихъ и подъ ихъ вліяніемъ даже крестились. Теперь они забросили всю свою старую утварь и почти все имѣютъ покупное, покрой платья по возможности перенимаютъ у русскихъ. Ороковъ и айны, и гиляки считаются самыми безтолковыми изъ всѣхъ инородцевъ Сахалина. Одинъ айнь объяснялъ мнѣ избѣганіе меня со стороны ороковъ тѣмъ, что они стыдятся меня, зная, что ничего не могутъ сказать мнѣ занимательнаго, что у нихъ нѣтъ ни преданій, ни сказокъ, ни пѣсень и только въ послѣднее время они переняли кое что у тунгусовъ. Дѣйствительно, такъ мнѣ и не удалось встрѣтить среди нихъ солиднаго знатока старины. Свѣдѣнія, которыя я могъ добыть отъ немногихъ моихъ знакомыхъ въ с. Социгаре, были отрывочны и очень еще недостаточны. Авторитета здѣсь старые люди не имѣли такого, какъ у айновъ, и ороки также, какъ и гиляки, уже довольно охотно обращаются въ своихъ спорахъ къ администраціи или вліятельнымъ лицамъ изъ русскихъ. Меня упросили здѣсь быть судьей въ запутанномъ бракоразводномъ дѣлѣ, которое счастливо удалось закончить: жена получила свободу, а мужъ значительную долю ея приданаго, изъ за котораго онъ ее сильно держалъ, хотя не чувствовалъ къ ней никакой привязанности.

Въ это время назрѣло у меня рѣшеніе поѣхать въ Тымовскій округъ и пробыть тамъ все лѣто. Съ началомъ хода кэты и въ заливѣ Терпѣнія стало такъ-же тревожно, какъ и на югѣ. Ежедневно курсировали слухи, что появилось судно, что гдѣ то замѣтны кунгасъ и высаживающіеся японцы. Ждать хищниковъ, которые могли бы рискнуть пріѣхать въ незащищенную мѣстность, наловить рыбы и вернуться обратно, на то было много оснований. Цѣны на рыбу въ Японіи поднялись сильно, хищническія шхуны уже появлялись на западномъ берегу. Заливъ Терпѣнія богатствомъ красной рыбы и ея качествомъ превосходитъ другія мѣста Сахалина. Причалить сюда могли бы и случайныя шхуны, направляющіяся на Камчатку, а туда, какъ гово-

рили нѣкоторые японцы, послѣ объявленія войны, устремятся всѣ хищники за рыбой. Оставаться въ Тихменевскѣ и его районѣ не было основаній и потому, что не было здѣсь провизіи. Остатки жителей с. Найеро и Тихменевска удалялись на югъ. Подвозъ предметовъ первой необходимости и всякихъ товаровъ дѣлался ежегодно на промысловыхъ пароходахъ, приходившихъ во второй половинѣ мая изъ Японіи. Теперь уже все было на исходѣ, и не было надежды на пополненіе запасовъ. Наступалъ сезонъ лова красной рыбы, и всѣ туземцы, не имѣя кому продавать ее въ свѣжемъ видѣ, предполагали усиленно заняться приготовленіемъ «юколы» (распластанной и высушенной на солнцѣ рыбы). Нечего было мечтать о возможности использовать кого либо въ такое горячее рабочее время. — 13 іюня выѣхалъ я на гилякской лодкѣ вверхъ по Поронаю, сопровождаемый еще лодкою ороковъ, которые надѣялись при моей помощи купить изъятые изъ свободной продажи порохъ, пистоны, дробь, а также муку, рисъ, вообще тѣ предметы, которые въ Тихменевскѣ дорожали съ каждымъ днемъ и даже вовсе не продавались «дикарямъ», какъ называло здѣсь грубое нравами русское населеніе всѣхъ инородцевъ. — Съ 13-го до 24-го тянулось наше путешествіе по бурной, извилистой, изобилующей въ верховьяхъ опасными завалами, рѣкѣ Поронаю. Утомительность ѣзды на шестахъ, мучители Сахалинскаго лѣта — комары и мошкѣ, необходимость при остановкахъ заняться не только приготовленіемъ балагановъ и дровъ, но и ловлею рыбы, такъ какъ другой провизіи у насъ не было — мѣшали мнѣ съ пользою провести это время. Все таки въ пути послѣ громадныхъ усилій добился я, что мнѣ продиктовали первые и единственные орокскіе тексты: сказку, двѣ пѣсни и нѣсколько загадокъ. 24-го мы всѣ пѣшкомъ добрались отъ с. Уютнаго (на р. Поронаѣ) до с. Онора (30 верстъ). — Здѣсь, пользуясь гостепримствомъ мѣстнаго врача, я пробылъ до 8 іюля, отдыхая и приводя въ порядокъ разрозненныя дорожныя записи.

13 іюля я отправился въ гилякское с. Усково и затѣмъ на лодкѣ внизъ по Тыпи, посѣтивъ с. Хазиль-во, прибылъ въ с. Славо. Здѣсь собралось болѣе всего моихъ старыхъ друзей гиляковъ, и я рѣшилъ провести съ ними нѣкоторое время. Поселился я въ опрятномъ лѣтнемъ свайномъ домѣ семьи старика Фямки, старшаго въ родѣ, съ

которымъ уже давно установились у меня самыя дружескія отношенія. Я прожилъ здѣсь до 9 августа, сдѣлавъ лишь разъ поѣздку внизъ по р. Тыми во всѣ лежащія ниже селенія Комрво, Чириво, Плово и Ыркыр-во. Повсюду по Тыми въ это время оставалось очень мало гиляковъ, большинство ловило рыбу на западномъ берегу острова, нѣкоторые ушли въ Ныйскій заливъ, боясь осложненій, какія могли бы возникнуть въ случаѣ появленія японцевъ. Нѣсколько человѣкъ изъ молодежи въ с. Славо мало спдѣли дома, будучи заняты перевозкою на лодкахъ казенныхъ грузовъ до с. Ады-Тымъ. Поэтому медленно шла помощь мнѣ при переводахъ имѣвшихся у меня съ прежнихъ лѣтъ гиляцкихъ текстовъ. Старуха хозяйка, моя старая пріятельница, посвящала меня въ народную медицину и говорила о старинѣ, что помнила. Особенно меня интересовали преданія объ айнахъ и все то, что гиляки о нихъ знаютъ. Хотѣлось мнѣ также предпринять экскурсію на тѣ горы около Ады-Тыми, на которыхъ будто-бы находятся кости какого то крупнаго животнаго. Слышалъ я эту легенду отъ одного изъ гиляковъ раньше, лѣтъ 10 тому назадъ и теперь намѣревался поискать эти загадочныя кости. Впрочемъ, подтвержденіе объ ихъ существованіи я получилъ лишь отъ двухъ изъ тѣхъ немногихъ гиляковъ, съ которыми въ этотъ разъ встрѣчался, но не могъ прибѣгнуть къ ихъ помощи, т. к. оба были на Тыми временно и торопились уйти на берегъ моря. Такъ, весь планъ мой въ этомъ направленіи разстроился, но разспросы объ этихъ костяхъ привели меня къ открытію на берегахъ р. Тыми, приблизительно по серединѣ между с. Славо и Ады-Тымово, пластовъ съ обиліемъ окаменѣлыхъ раковинъ. Насколько мнѣ извѣстно, это былъ первый случай находенія на Сахалинѣ окаменѣлостей внутри острова. Набравъ этихъ раковинъ нѣсколько пудовъ, я передалъ часть Завѣдующему Сахалинскимъ Музеемъ Д-ру Р. А. Почаевскому, часть же оставилъ въ амбарѣ у гиляка Фимки, рассчитывая достать оттуда и передать музеямъ Петербургскому и Владивостокскому послѣ окончанія войны. Начался ходъ кѣты, наступило рабочее время, и я покинулъ с. Славо. Съ 10 августа по 1 сентября я пробылъ въ с. Рыковскомъ, совѣтуясь и обдумывая положеніе вещей и дальнѣйшіе свои планы въ виду совершающихся и ожидаемыхъ событій. Крайне тревожное время на югѣ побудило меня рѣшиться обождать до зимы въ

Тымовскомъ Округѣ, куда я намѣревался выписать одного айна и заняться съ нимъ однимъ и съ пріѣзжающими часто зимою ороками. Для этого я поѣхалъ 2 сентября въ с. Оноръ и далъ телеграммы о доставкѣ мнѣ вещей, оставленныхъ у гиляка въ с. Социгаре и присылкѣ мнѣ какого либо айна. Вещи мнѣ были вскорѣ привезены, но нигдѣ ни на югѣ, ни на сѣверѣ не нашлось желающаго поѣхать въ чуждую обстановку и готоваго бросить въ эти тяжелые дни своихъ родныхъ. Въ виду этого я перемѣнилъ свой планъ и сталъ собираться къ обратной поѣздкѣ на югъ въ Тихменевскъ. Такъ какъ тамъ я уже ничего не могъ бы достать изъ предметовъ первой необходимости, напр. муки, рису, масла, сахару, чаю, табаку, мыла и т. п., то всеѣмъ этимъ мнѣ пришлось зацастись и для себя, и для тѣхъ людей, съ которыми входилъ бы въ сношеніе. 25 сентября въ сопровожденіи двухъ айновъ, пріѣхавшихъ за товарами и привезшихъ отряды матросовъ съ затопившагося «Новика», я пустился въ обратный путь на территорию, заселенную айнами. 26, 27, 28 мы вынуждены были просидѣть въ русскомъ сел. Абрамовкѣ (въ 22 вер. отъ Онора), въ виду свирѣпствовавшего тайфуна и проливного дождя, ведя оживленныя бесѣды, давшія мнѣ нѣсколько очень интересныхъ страницъ. 29 сентября на кунгасѣ и небольшой лодкѣ съ присоединившимися къ намъ тремя крестьянами стали спускаться по р. Поронаю, несмотря на большую воду въ рѣкѣ и усилившуюся быстроту теченія. Не доѣзжая до ближайшаго с. Уютнаго, мы наскочили на торчащій пень упавшаго въ воду дерева, и, только благодаря находчивости стоявшаго у руля айна, качнувшійся кунгасъ былъ удержанъ въ равновѣсіи. Воды все-таки набралось столько, что черезъ нѣсколько минутъ мы стали опускаться на дно. По счастливой случайности другая лодка была отъ насъ неподалеку и помогла намъ притянуться во время этого процесса возможно ближе къ мелкому берегу. За нѣсколько минутъ до насъ въ томъ же мѣстѣ перевернулся кунгасъ съ семейю телеграфиста, и жена его съ тремя малыми дѣтьми утонули, мужъ и нѣсколько человѣкъ рабочихъ выплыли. Подъ впечатлѣніемъ этой страшной драмы все рѣшили переждать убыли воды въ рѣкѣ и тѣмъ временемъ заняться сушкою подмоченныхъ вещей. Отъ 30 сентября по 2 октября я провель въ домѣ крестьянина въ с. Гродеково, самомъ южномъ на р. Поронаѣ, суша книги, тетради, бѣлье и пр. 3-го двинулись мы

дальше, причѣмъ я пересѣлъ на подвернувшуюся случайно гялякскую лодку, болѣе довѣряя при ѣздѣ по горнымъ рѣчкамъ опытности гяляковъ, чѣмъ айнамъ, болѣе смѣлымъ пловцамъ по морю. 7-го рано утромъ прибыли мы въ п. Тихменевскій. Ороковъ и гяляковъ вблизи уже не было; всѣ перебрались дальше, поразѣхавшись на охоту. Поэтому я оставился въ с. Найеро, въ небольшой комнаткѣ у мѣстнаго надзирателя, посѣщая айнскія юрты или принимая у себя приходившихъ ко мнѣ въ гости айновъ. Взрослые мужчины всѣ были заняты охотою. Тогда то выпросилъ я старѣйшаго изъ айновъ продиктовать мнѣ нѣсколько молитвъ. До сего времени всѣ мои старанія въ этомъ отношеніи были тщетными. Молодежь не знала, старшіе не рѣшались. Всѣ увѣряли меня, что можетъ это сдѣлать только тотъ, кто на столько старъ, что не работаетъ, не ходитъ на охоту, никуда изъ дому не отлучается. Въ такомъ возрастѣ чаще всего айны страдаютъ старческимъ слабоуміемъ, и только въ Найеро совпали счастливо для моей цѣли данныя. Здѣсь же записалъ я подъ секретомъ двѣ любовныя пѣсни, продиктованныя жепщинами. Повсюду онѣ отпѣкивались, увѣряли меня, что вовсе не знаютъ такихъ пѣсенъ, находясь подъ давленіемъ взгляда айновъ, что пѣсни эти неприличны и доказываютъ распущенность нравовъ говорившей; онѣ боялись также, что я смогу гдѣ либо прочесть другимъ и обезславлю ихъ. Всѣ знали, что я одинъ и тотъ же вопросъ, одну и ту же мелочь переспрашивалъ у многихъ лицъ, желая провѣрить, дополнить и узнать разные варианты. Это обстоятельство иногда удерживало многихъ отъ болѣе свободнаго разговора, и только подружившіеся со мною довѣряли мнѣ многое, даже родовыя и семейныя тайны, и давали объясненія въ щекотливыхъ вопросахъ. Такъ напр. только подъ большимъ секретомъ переписалъ я всѣхъ, которые являются признанными потомками двухъ разныхъ племенъ (айновъ и японцевъ, айновъ и русскихъ, и айновъ и корейцевъ или манзовъ). Послѣ подсчета оказалось, что уже болѣе 10% всего количества населенія сами айны считаютъ съ примѣсью чужой крови въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніи.

По случаю нашего спасенія были поставлены благодарственныя «янау» съ торжествомъ, на которое былъ приглашенъ и я. Самыя интересныя данныя, собранныя за это время, относились къ охотѣ и

міру животныхъ, чѣмъ были заняты въ это время умы всѣхъ взрослыхъ и даже дѣтей.

Не удался планъ мой доѣхать до мыса Терпѣнія оглядѣть камень, который, по преданію айновъ, упалъ съ неба и могъ оказаться метеоритомъ, а также осмотрѣть мѣсто, гдѣ будто бы жили послѣдніе «тончи», и откуда они уѣхали на лодкахъ за море и болѣе не возвращались. Собирался ѣхать со мною одинъ орокъ и одинъ айнь, но и тотъ, и другой не явились, очевидно, начавъ въ этомъ году охоту раньше обычнаго, а, м. б., убоявшись шнырявшихъ въ это время бродягъ. Сознаніе возможной опасности въ случаѣ высадки гдѣ либо японцевъ постепенно притуплялось. Извѣстія съ театра войны сюда вовсе не доходили; получилъ я успокоительныя письма отъ знакомыхъ изъ Корсаковска, всѣ были увѣрены, что японцамъ слишкомъ много нужно силъ для Портъ-Артура и Маньчжуріи, чтобы выдѣлять еще отряды для взятія Сахалина. А уже стало ясно, что желаніе рыбопромышленниковъ занять его на свой рискъ вооруженными добровольцами - рабочими было признано правительствомъ недопустимымъ. Скорѣе можно было предположить, что, отрѣзавъ всякія сообщенія съ материкомъ, японцы заставятъ Сахалинъ сдаться голодомъ. Я рѣшилъ поѣхать на югъ вмѣстѣ съ айнами, отправлявшимися по окончаніи охоты на медвѣжьи праздники, которые опять должны были состояться въ Серарокахъ и Огосанѣ. Медвѣжій праздникъ въ Найеро, по случаю недостатка здѣсь рису, былъ отложенъ до слѣдующаго года. 1 ноября на лодкѣ я выѣхалъ съ 5 айнами, провожаемый всѣми оставшимися. 2-го и 3-го просидѣли мы въ с. Котанкесъ, гдѣ хозяинъ старикъ Ситорики, пріятель всѣхъ первыхъ бывшихъ тутъ русскихъ — Самарина, Де-Прорадовича и проводникъ Лопатина рассказывалъ мнѣ многое о прошломъ айновъ. Здѣсь я впервые узналъ, что многія изъ ямокъ, признаваемыхъ за ямки «тончей», выкопаны айнами для специальной очень распространенной ранѣе охоты на орловъ. Братъ хозяина - шаманъ по вечерамъ показывалъ свое искусство, дѣти и женщины рассказывали сказки. 4-го море успокоилось, и мы могли двинуться въ путь. 5-го, переночевавъ на берегу моря у р. Янкенай, съ раняго утра начали мы охоту на нерпъ, которыя еще спали на безчисленныхъ рифахъ, тянущихся вдоль берега на разстояніи нѣсколькихъ миль. Я былъ свидѣтелемъ той ловкости, какую

проявляютъ при этомъ айны, вскакивая изъ лодки на камень, верхушка котораго по временамъ заливается волною, или вытаскивая изъ моря убитую нерпу на плохо устойчивую долбленную лодку. Вмѣстѣ съ ними подвергался я опасности быть разбитымъ въ щепки, если бы надтреснутый челнокъ нашъ ударился сильнѣе о торчащіе кругомъ камни. 7 штукъ убитыхъ нами нерпъ привезли мы въ с. Хунупъ. 6, 7 и 8-го по случаю волненія на морѣ и моего желанія познакомиться съ самымъ славнымъ на Сахалинѣ шаманомъ, мы просидѣли въ этомъ районѣ, гдѣ близко другъ отъ друга расположены 4 селенія: Хунупъ, Фурецись, Акара, Мотомари. Холодъ, нездоровье, неудобства бесѣды при всѣхъ помѣшали мнѣ вынести изъ этой интересной встрѣчи столько, сколько я надѣялся. Въ Мотомари попали мы на остатки праздника по случаю убіенія въ лѣсу медвѣдя. 11-го къ вечеру мы были въ Серарокахъ и я, наконецъ, могъ спать послѣ 11 дней шубы, торбаза и выспаться въ теплой русской избѣ. 12-го я былъ въ Отосанѣ, а 13-го въ с. Аяхъ. 16-го я выѣхалъ въ п. Корсаковскъ, гдѣ оставался до 28-го ноября, когда поѣхалъ специально на медвѣжьи праздники въ Отосанъ и Серароко. 21 декабря я былъ обратно въ Корсаковскъ и рассчитывалъ здѣсь работать съ приходившими по разнымъ дѣламъ айнами и даже нарочно вызываемыми болѣе полезными для меня лицами.

Подъ вліяніемъ успокоительныхъ извѣстій, сообщавшихся по телеграфу съ сѣвера Сахалина, я отвѣтилъ согласіемъ остаться еще на годъ Г. Предсѣдателю Русскаго комитета, запрашивавшему объ этомъ меня телеграммою. Но скоро выяснилось, что пребываніе мое на Сахалинѣ, при складывавшихся условіяхъ, становилось бесполезнымъ. Послѣ паденія Портъ-Артура, предположеніе, что японцы двинутся занять Сахалинъ, имѣло большое вѣроятіе; тревожные слухи росли и усиливались. Не было дня, чтобы кому либо не показался въ морѣ дымъ приближающагося парохода. Бывали случаи, что разставленная по берегамъ верховая стража прыскакивала съ положительнымъ заявленіемъ, что видно судно, и всѣ начинали укладываться, готовиться къ отступленію внутрь Острова. Раздавались плачь дѣтей и оханія женщинъ. Съ вечера занавѣшивались тщательно всѣ окна; неожиданный стукъ въ двери, шумъ на дворѣ ставили въ зависимость отъ близившагося непріятели. Всѣ, съ кѣмъ приходилось тогда имѣть дѣло,

были въ страшномъ нервномъ напряженіи. Даже у самыхъ спокойныхъ, уравновѣшанныхъ и умѣющихъ владѣть собою людей чувствовались новые душевные топы, скрытое, но сильное душевное волненіе. При этомъ общая опасность не соединила людей, а еще болѣе усилила взаимную вражду, сплетни, интриги, подсиживанія. Не знаю, было ли 10 человекъ, которые бы другъ другу вѣрили. Положеніе айновъ становилось критическимъ. Всѣ знали о большихъ симпатіяхъ айновъ къ японцамъ, и поэтому, съ приближеніемъ момента занятія Сахалина, все болѣе проникались злобою къ тѣмъ, для которыхъ прибытіе непріятели являлось желаннымъ и во всякомъ случаѣ не опаснымъ. На этой почвѣ выростала подозрительность, доходившая до смѣшного, создавались даже невѣроятныя легенды. Къ югу западнаго берега то и дѣло прячались кунгасы японскихъ рыбаковъ, привозившихъ рисъ и увозившихъ тайкомъ рыбу, иногда воровавшихъ рыболовныя снасти изъ неохраемыхъ богатыхъ японскихъ же промысловъ, густо разбросанныхъ по всему побережью. Стали носиться слухи, что пріѣзжаютъ не рыбаки, а передовые развѣдочные отряды японскихъ войскъ, что уже доставлено много оружія и снарядовъ и спрятано гдѣ то въ горахъ, что айны не только будто-оо всемъ этомъ знаютъ, но и сами скоро поднимутъ вооруженное возстаніе. Курсировала легенда о тайной поѣздкѣ айновъ въ Японію и о присягѣ на вѣрность «японскому генералу», выѣхавшему имъ на встрѣчу, что паденіе Портъ-Артура было отпраздновано айнами пьянствомъ и пльюмпнаціей (о которой не имѣютъ ни малѣйшаго понятія). Двѣ главныя административныя фигуры и единственные представители русской государственности въ громадномъ районѣ пѣсколькихъ сотъ верствъ береговой линіи, староста изъ ссыльныхъ русскаго поселка Мауки и объѣздчикъ изъ солдатъ были убиты японскими хищниками. Поселенцы, недруги айновъ, твердили, хотя никто этого не видалъ, объ участіи въ этой расправѣ послѣднихъ. Было сдѣлано айнамъ официальное предостереженіе, что имъ грозитъ смертная казнь въ случаѣ сношеній съ японцами. Ко мнѣ неоднократно обращались вполне серьезно съ просьбою узнать у айновъ, когда явится непріятель или провѣрить, правда ли, что день высадки назначенъ на 17-ое. Это было кабалистическое число, къмъ то придуманное и пущенное въ оборотъ, но въ которое подъ вліяніемъ страха вѣрили даже солидные люди.

Появленіе каждого айна въ Корсаковскѣ многими объяснялось желаніемъ шпионить и доносить о тѣхъ слабыхъ укрѣпленіяхъ, которыя тутъ дѣлались. Подозрительность по отношенію къ айнамъ выросла до такой степени, что Начальникъ округа попросилъ меня перестать принимать айновъ въ Корсаковскѣ. Матеріальныя условія жизни ухудшались не по днямъ, а по часамъ. Все страшно дорожало. Торговцы не дремали. Постепенно прекращалась продажа того или иного продукта, и его можно было достать только по спеціальной протекціи, конечно въ нѣсколько разъ дороже. Было время, когда $\frac{1}{8}$ табаку махорки продавалась по 8 руб. Кто не запасаъ своевременно, тотъ не могъ достать сахару, мыла, писчей бумаги. Рись я мука находились лишь въ казенныхъ складахъ для нуждъ служащихъ и войска. Населенію грозилъ въ недалекомъ будущемъ голодъ. Айны уже терпѣли его. Если бы не подвезенный тайкомъ японскими рыбаками на западный берегъ рись съ о. Хоккайдо, то смертность была бы тамъ громадна.

Для меня стало очевиднымъ, что нечего медлить, а надо скорѣе уѣзжать. Въ эту зиму, если бы не война, я хотѣлъ поѣхать въ Мауку и здѣсь проработать до весны. Между прочимъ надѣялся, что тамъ мнѣ удастся заняться измѣреніемъ при помощи тѣхъ антропометрическихъ инструментовъ, которые оставилъ мнѣ В. Л. Сѣрошевскій послѣ побывки у айновъ на о. Хоккайдо. Населеніе Маукинскаго района менѣе всего сохранило старыхъ суевѣрій и не такъ проникнуто страхомъ передъ чѣмъ либо новымъ. На Восточномъ берегу объ измѣреніяхъ, особенно въ это тревожное, полное грядущихъ опасностей время, нечего было и думать. Всѣ мои попытки кончались неудачею. Измѣренія ногъ, длины человѣческаго тѣла производятся лишь надъ покойниками, такимъ образомъ вопросъ объ измѣреніи сейчасъ же ассоціировался со смертію, которая и безъ того не давала ихъ умамъ покоя. Еще болѣе досадно мнѣ было, что не побывалъ вовсе въ Ку-сунайскомъ и въ Уссоровскомъ районахъ, которые рассчитывалъ посѣтить въ ближайшее лѣто для ознакомленія съ интересными полуаинскими, полугиляцкими семьями въ с. Порокотанѣ (по гиляцки Пила-во). Тяжело было покидать неоконченную работу, но сознавалъ, что не могъ быть увѣреннымъ, оставаясь дольше, сохраню ли даже тѣ матеріалы, которые были уже у меня въ рукахъ.

Никто себѣ ясно не представлялъ, что произойдетъ въ случаѣ на-

паденія японцевъ, но всё со страхомъ думали объ этой минутѣ и послѣдующихъ вполне возможныхъ грабежахъ, разбояхъ со стороны каторжныхъ и образованныхъ изъ нихъ и прочаго ссыльнаго населенія дружинъ.

До отъѣзда я старался сдѣлать возможно больше переводовъ, закончить собраніе статистическихъ свѣдѣній, которыя относительно сѣверной части западнаго берега я долженъ былъ записать со словъ вызванныхъ старостъ и старшинъ этихъ районовъ. 27 января я поѣхалъ въ с. Сіянцы, Найбучи, Ай и Отосапъ, для окончанія расчетовъ съ нѣкоторыми айнами и передачи довѣренности на сборъ долговъ и неисполненныхъ заказовъ. 10 февраля вернулся я въ Корсаковскъ и 23-го покинулъ его окончательно, провожаемый добрыми пожеланіями однихъ и завистью другихъ, которые хотѣли бы, но не могли сдѣлать то же самое. Съ 23-го по 26-ое остановился я во Владиміровкѣ, откуда отправилъ нѣкоторыя посылки почтою и съ трудомъ пріобрѣталъ пужный на дорогу провіантъ. Съ 27 февраля по 1 марта пробылъ въ с. Сіянцахъ, ведя ежедневныя бесѣды со своею пріятельницею старухою-знахаркою, очень толковою и охотно дававшей мнѣ объясненія по многимъ вопросамъ внутренней жизни айновъ. Съ 1 по 5-ое остановился въ с. Аяхъ, укладывалъ вещи, часть которыхъ долженъ былъ оставить здѣсь на храненіе, и поджидая нанятыхъ нартъ. 6-го пробылъ въ с. Отосанѣ, гдѣ вечеромъ мой другъ шаманъ устроилъ мнѣ на прощанье камланіе. 7-го ночью я прибылъ въ Мочункотанъ, гдѣ пришлось втеченіе двухъ дней ждать нартъ, занятыхъ возкою громаднхъ почтъ и казенныхъ грузовъ. 10-го двинулся дальше, 11-го вечеромъ былъ въ Найеро и 12-гд въ Тихменевскѣ. Здѣсь я получилъ телеграмму, что проѣхать до Нполаевска еще по зимнему пути мнѣ не удастся. Онъ кончился въ эту весну раньше. Торопиться было не зачѣмъ, да я и не былъ въ состояніи. Среди инородцевъ свирѣпствовала инфлюэнца. Гиляки и ороки переносили ее легко, а айновъ она нещадно выкашивала. Въ Тарайкѣ вымерло $\frac{1}{4}$ населенія. По всему пути я встрѣчалъ больныхъ, были и умирающіе. Притомъ всё были полуголодные. Не было подвоза рису, который для айновъ сталъ такимъ же существеннымъ продуктомъ питанія, какъ и для японцевъ. Дѣти плакали, женщины болѣли, мужская молодежь заработанныя деньги тратила на покупку по дорогой цѣнѣ въ русскихъ селахъ

куска хлѣба, но и тамъ его становилось все меньше. Старики молча сидѣли печальные дома, все болѣе проникаясь сознаниемъ, что «русскіе не умѣютъ сохранять своихъ людей», какъ выразился одинъ мнѣ при прощаніи. Грусть проникла въ каждую семью; не слышно было недавняго смѣха; радость и веселіе исчезли изъ этого уютнаго и пріятнаго для меня угла. Не до разговоровъ было въ эти тяжелые дни. Я самъ чувствовалъ слабость всю дорогу, а тутъ уже окончательно потерялъ силы. Немного оправившись отъ инфлюэнцы, я 23-го на оленяхъ съ гиляками, двигавшимися на Опоръ за разрѣшенною въ это время по случаю голода ссудою муки и рису, поѣхалъ въ Тымовскій Округъ. Вещи, заказанныя орокамъ и отчасти уже заготовленные, пришлось оставить на храненіи у нихъ же. Я заручился лишь росписками, засвидѣтельствованными полицейскими чинами. 28-го я добрался до Опора, гдѣ оставался до 13 апрѣля. Затѣмъ въ Рыковскомъ прожилъ до 12 мая. За это время я составилъ сводку порученной мнѣ осенью 1903 г. Военнымъ Губернаторомъ переписи айновъ, написалъ краткій очеркъ объ экономическомъ ихъ положеніи и свой проектъ тѣхъ правилъ объ устройствѣ быта айновъ и управленіи ими, которыя должны быть введены взаменъ признаннаго устарѣлымъ «Положенія объ инородцахъ». Тогда же я познакомился съ представленнымъ официальными лицами по этому вопросу матеріаломъ, а также со статистическими свѣдѣніями, касающимися гиляковъ и ороковъ. 12 мая я переѣхалъ въ с. Дербянское, гдѣ со знатокомъ Сахалинской флоры, мѣстнымъ смотрителемъ поселеній Э. К. Безансомъ, пытался опредѣлять тѣ растенія, инородческія названія которыхъ были у меня записаны. Иногда приходили ко мнѣ старые мои знакомые гиляки, которые еще оставались въ это время въ глубинѣ Острова. 30 мая, извѣщенный о приходѣ парохода изъ Николаевска за отъѣзжавшими съ О-ва, и о томъ, что въ эту первую очередь попалъ и я, помчался я въ Александровскъ, но пароходъ уже отошелъ, и я вынужденъ былъ ждать слѣдующаго рейса. 11 іюня я покинулъ Сахалинъ на вызывавшемъ постоянныя опасенія за его судьбу и погибшемъ затѣмъ осенью того же года небольшомъ катерѣ «Владивостокъ», приспособленномъ лишь для плаванія по Амуру и по бару около Николаевска. 12-го и благополучно высадился на материкъ въ Николаевскѣ.

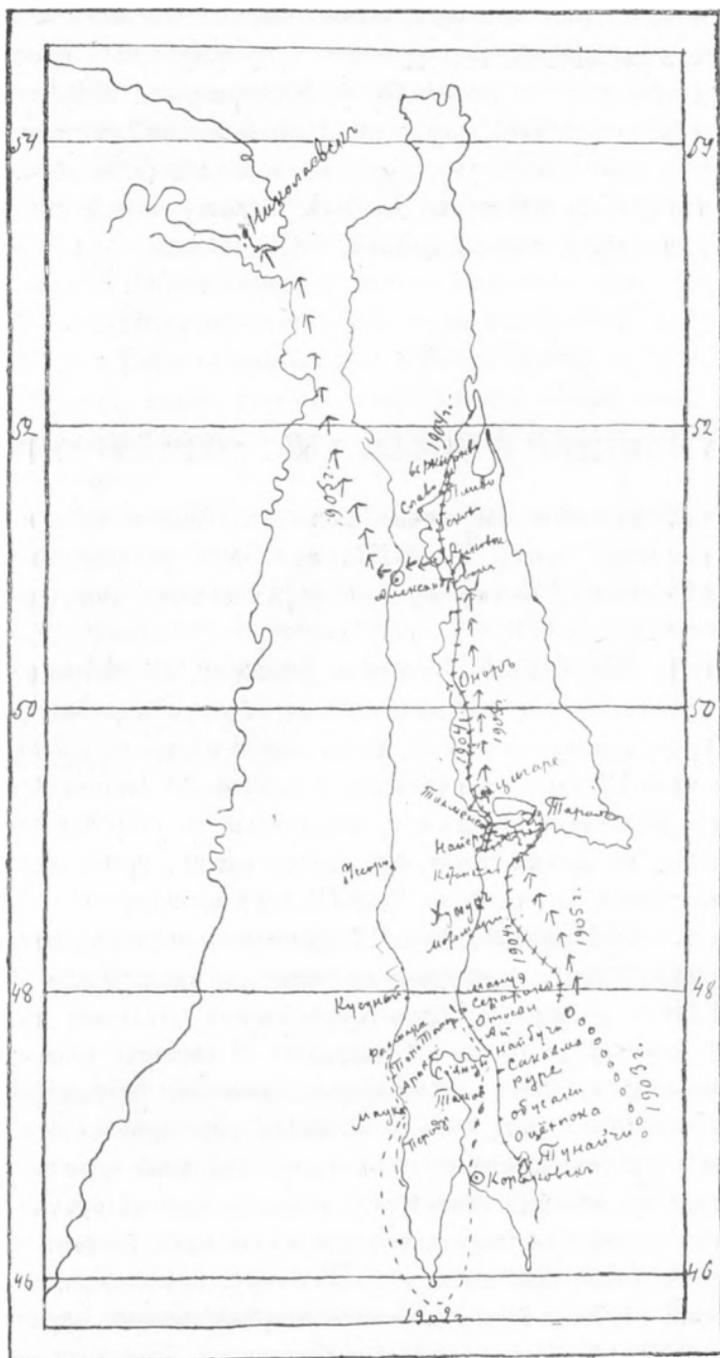
Суммируя работу свою за три года, я долженъ признаться, что результаты моего пребыванія на Сахалинѣ далеко не тѣ, какіе я рассчитывалъ получить въ началѣ. Непредвидѣнные и совершенно неблагоприятно сложившіяся по случаю войны обстоятельства были главнымъ тормазомъ, уменьшившимъ болѣе всего продуктивность работы. Сильно сковывалъ меня также недостатокъ средствъ, невозможность создать такія условія, которыя облегчили бы выполненіе поставленной себѣ задачи и болѣе соответствовали состоянію моего здоровья.

Я долженъ принести здѣсь благодарность многимъ представителямъ сахалинской администраціи за ихъ постоянное и любезное содѣйствіе, а пѣкоторымъ за вытекавшую изъ пріятельскихъ отношеній помощь, въ частности Е. Н. Николаевой, А. А. фонъ Фрикену и М. А. Звягину. Если среди собранныхъ мною матеріаловъ найдутся у меня цѣнныя данныя изъ быта инородцевъ Сахалина, то я обязанъ этимъ преимущественно той дружбѣ, которая связывала меня съ каждымъ изъ сахалинскихъ туземныхъ племенъ, въ особенности гилаковъ и айновъ, равно какъ искреннему расположенію ко мнѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ.

Вывезенный мною матеріалъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: собрано этнографическихъ записей объ айнахъ—1880, гилакахъ—320, орокахъ—180, на Амурѣ—400 стран.; текстовъ аинскихъ 870 стр. (часть ихъ осталась не переведенной); текстовъ гилацкихъ 285 стр.; орокскихъ 13 стр.; словъ аинскихъ болѣе 10,000; гилацкихъ немного меньше; орокскихъ и мангунскихъ (ольчей) около 2000. Фотографическихъ снимковъ около 300. Записанныхъ валиковъ для фонографа съ пѣснями и сказками айновъ 30 штукъ.—При этомъ прилагаю карту своихъ поѣздокъ по Сахалину, во время которыхъ я сдѣлалъ 2475 верстъ лошадыми въ тарантасѣ, телѣгѣ и санихъ, 90 верстъ на лошадяхъ верхомъ, 460 верстъ лодкою моремъ, 530 лодкою по рѣкамъ и озерамъ, 750 верстъ на собакахъ и оленяхъ по зимнему пути и 350 верстъ пѣшкомъ. Не считаю поѣздокъ, сдѣланныхъ на пароходахъ въ Мауку и оттуда въ Хакодате, обратно въ Курсаковскъ, а также пріѣзда на Сахалинъ и отъѣзда оттуда.

Попавъ на Амуръ, я хотѣлъ использовать этотъ богатый разнообразными племенами районъ хоть сколько нибудь специально для вопроса объ айнахъ, которые въ прежнее время поддерживали съ мѣстными туземцами оживленныя сношенія. Для этого я остановился въ Николаевскѣ на десять дней и ловилъ по возможности всякаго гиляка, попадавашагося въ городѣ. Къ сожалѣнію, почти всѣ встрѣченные гиляки бывали до того пьяны, что излишни были попытки поговорить серьезно. Въ Николаевскѣ было тоже тревожное время, когда ежедневно ждали возможности появленія непріятельскаго флота, и я не рѣшался самъ съѣздить въ гиляцкія селенія. Удалось мнѣ вызвать въ городъ одного сахалинскаго айна, единственнаго добровольнаго выходца, который, сильно обрусѣвъ, бросилъ родину, пожилъ во Владивостокѣ и затѣмъ переѣхалъ на Амуръ, гдѣ въ окрестностяхъ Николаевска жилъ совмѣстно съ гиляками. Нѣсколько преданій объ айнахъ - рабахъ и объ ихъ потомствѣ всетаки передали мнѣ случайные новые знакомые. Задержался я также на нѣсколько дней въ с. Маріинскѣ и посѣтилъ ближайшее селеніе ольчей Удынь. Я имѣлъ въ виду провѣрить составленный на Сахалинѣ словарьчикъ языка этого племени, добыть преданія о прежнихъ ихъ отношеніяхъ съ айнами и повидать линку, которая была уже лѣтъ 10 замужемъ за ольчемъ изъ с. Монголь (верстъ на 40 ниже Маріинска). Я ее вызвалъ въ Маріинскъ, но, къ сожалѣнію, она запоздала и явилась лишь послѣ моего отъѣзда. Неожиданно я встрѣтилъ другую линку старушку, привезенную уже лѣтъ 30 назадъ съ западнаго берега Сахалина и жившую во время моего посѣщенія въ положеніи рабыни или слуги. Услышавъ родную рѣчь и рассказы мои о многихъ ея родныхъ и знакомыхъ, старушка была тронута, рассказывала мнѣ довѣрчиво про свою тяжелую жизнь и просила помочь ей вернуться къ своимъ. Мѣстный крестьянскій начальникъ, которому я рассказалъ обо всемъ, обѣщалъ полное содѣйствіе, но, къ сожалѣнію, онъ вскорѣ покинулъ это мѣсто. Опасность, въ которой очутился Маріинскъ, послѣ обстрѣливанія японцами батарей въ Де-Кастри, такого близкаго пункта отъ Маріинска, не позволили мнѣ оставаться тамъ дольше.

Но осенью, когда миръ былъ заключенъ, я согласился на предложеніе Общества изученія Амурскаго Края во Владивостокѣ съѣздить на короткое время къ ольчамъ для пріобрѣтенія коллекціи.

Къ Огччу Б. О. Пилсудскаго. Маршрутъ путешествія по о. Сахалину.

Обстоятельства принудили меня доѣхать лишь до района, населеннаго гольдами, и въ окрестностяхъ русскаго с. Троицкаго въ 5 гольдскихъ стойбищахъ я закупилъ коллекцію въ 500 номеровъ. Пробылъ я съ гольдами всего 10 дней, имѣя лишь рекомендаціи отъ властей, и поэтому особымъ довѣріемъ инородцевъ пользоваться не могъ. Все-таки и это краткое знакомство дало мнѣ нѣсколько полезныхъ дополненій къ матеріалу, уже собранному.

Отчетъ по командировкѣ въ Малую Азію въ 1906 г. студента Н. Мартиновича.

Командированный минувшимъ лѣтомъ въ Малую Азію, я посѣтилъ слѣдующіе города: Ески-Шехиръ, Ангору, Кыршехиръ, Хаджи-Бекташъ, Кесарею, Конію, Акшехиръ, Афьюнъ-Карахысаръ.

Занятія мои состояли, главнымъ образомъ, въ изученіи тюркскихъ діалектовъ, для чего мной собраны образцы народной литературы, транскрибированные по произношенію мѣстныхъ жителей.

Въ Ески-Шехирѣ мной записано 2 разсказа (5 листовъ большого формата) шуточного содержанія, интересные со стороны языка и содержанія, по весьма замѣтному вліянію нашихъ крымскихъ мухаджировъ-татаръ, которыхъ въ Ески-Шехирѣ множество.

Въ Ангорѣ записано мною 17 разсказовъ, шутокъ, анекдотовъ (4 листа), изъ коихъ 4 историко-легендарнаго характера: о Тамерланѣ, Гарунѣ ар-Рашидѣ и Кара-Кушѣ, визирѣ Саладдина; въ Кесареѣ—1 разсказъ, въ Коніи—9 разсказовъ (7 листовъ), тоже шуточного содержанія. Всего, слѣдовательно, записано 29 разсказовъ—16 листовъ. Такъ какъ пока я не имѣлъ еще возможности обратиться въ этомъ матеріалѣ, то возможно, что нѣкоторые разсказы уже появились раньше. Кромѣ того я осматривалъ историческіе памятники, относящіеся къ сельджукской и османской эпохамъ, снимая фотографіи и списывая надписи на мечетяхъ, крѣпостяхъ, тюрбе и пр. Такъ, въ Ески-Шехирѣ мной осмотрѣны мечети Куршунлу и Алаедина, тюрбе Шейха Эдебали и Едилеръ.